

**РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

**Российский
ежегодник
международного
права**

2001

Специальный выпуск

**СОЦИАЛЬНО-КОММЕРЧЕСКАЯ ФИРМА
“РОССИЯ-НЕВА”**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2001**

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Президент *А.Л.Колодкин*

Заместители президента: *Г.В.Игнатенко, Г.И.Курдюков, С.Н.Лебедев,
И.И.Лукашук, С.А.Малинин, О.Н.Хлестов, С.В.Черниченко*

Члены Исполкома: *С.В.Бахин, К.А.Бекяшев, М.М.Богуславский, Л.И.Волова,
В.В.Гавриков, Л.Н.Галенская, В.П.Жданов,*

*В.П.Звеков, В.С.Иваненко, А.Я.Капустин, В.А.Карташкин, Г.М.Ковриженко,
Ю.М.Колосов, В.И.Кузнецов, М.И.Лазарев,*

П.А.Лаптев, Е.А.Ляхов, А.Л.Маковский, В.И.Маргиев, С.Ю.Марочкин,

Т.Н.Нешатаева, В.А.Оганесян, Б.И.Осминин, В.П.Пархитко

М.А.Сарсембаев, Л.А.Скотников, О.И.Тиунов, Б.Н.Топорнин,

А.А.Требков, Б.Р.Тусмухамедов, Е.Т.Усенко,

М.О.Хайтов, С.В.Шатуновский-Бурно, Л.Н.Шестаков, О.Е.Щербинина

Ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

Л.В.Корбут

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ РОССИЙСКОГО ЕЖЕГОДНИКА
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Главный редактор *Л.Н.Галенская*

Заместители главного редактора: *В.А.Карташкин, С.В.Черниченко*

Члены редколлегии: *Ю.Я.Баскин, С.В.Бахин,*

С.А.Егоров, Р.А.Колодкин, Л.В.Корбут (ответственный секретарь),

С.А.Малинин, С.М.Пунжин, Л.Н.Шестаков, Г.Г.Шинкареуца,

М.Л.Энтин

Адрес: Москва, Г-19, ул.Знаменка, 10

THE RUSSIAN ASSOCIATION OF INTERNATIONAL LAW
EXECUTIVE COMMITTEE

President of the Association *A.L.Kolodkin*

Vice-presidents: *G.V.Ignatenko, G.I.Kurdiukov, S.N.Lebedev,*

I.I.Lukashuk, S.A.Malinin, O.N.Khlestop, S.V.Tchernitchenko

Members: *S.V.Bakhin, K.A.Bekiashev, M.M.Boguslavsky, L.I.Volova,*

V.V.Gavrikov, L.N.Galenskaya, V.P.Zhdanov, V.P.Zvekov,

V.I.Ivanenko, A.Y. Kapustin, V.A.Kartashkin,

G.M.Kovrizhenko, J.M.Kolosov, V.I.Kusnetsov, M.I.Lazarev,

P.A.Laptev, E.A.Liakhov, A.L.Makovsky, V.I.Margiev, S.J.Marotchkin,

T.N.Neshataeva, V.A.Oganesian, B.I.Osminin, V.P.Parchitko

M.A.Sarsembaev, L.A.Skotnikov, O.I.Tiunov, B.N.Topornin,

A.A.Trebkov, B.R.Tusmukhamedov, E.T.Usenko,

M.O.Khaitov, S.V.Shatunovsky-Burno, L.N.Shestakov, O.E.Sherbinina

Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

Mrs. L.V.Korbut

EDITORIAL BOARD
OF THE RUSSIAN YEARBOOK OF INTERNATIONAL LAW

Editor-in-Chief *L.N.Galenskaya*

Deputy Editors: *V.A.Kartashkin, S.V.Tchernitchenko*

Members of the Board: *J.Y.Baskin, S.V.Bakhin,*

S.A.Egorov, R.A.Kolodkin, L.V.Korbut (Chief Secretary),

S.A.Malinin, S.M.Pungin, L.N.Shestakov, G.G.Shinkaretskaya,

M.L.Entin

Address: 10, Znamenka str., Moscow

ции, осуществляемые под руководством ООН, но и на санкционированные Советом Безопасности коалиционные операции, подобные ЮНИТАФ и КФОР, а также на операции, осуществляемые на региональном уровне в рамках статьи 53 Устава. Применительно к последним, и, в частности, с учетом специфики операций в регионе СНГ, признанных, но не санкционированных Советом Безопасности, желательно было бы предусмотреть оговорку. Такая оговорка распространяла бы действие протокола на операции, осуществляемые региональными организациями. Возможно, следовало бы вновь поднять вопрос о присоединении ООН, а также региональных организаций, к такому протоколу. И уж, во всяком случае, они должны были бы оказать более активное содействие МККК в созыве и проведении дипломатической конференции по его разработке.

Принятие в 1977 г. Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям порою оценивается как “концептуальный прорыв”,⁵¹ хотя, добавим от себя, возможно предпринятый раньше, чем необходимость в нем была широко осознана. По нашему мнению, настало время осознать необходимость в скорейшей выработке нового Дополнительного протокола, который закроет уже ставшие очевидными правовые пробелы в применении МГП к операциям в пользу мира.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В СЛУЧАЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НЕМЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

© Бухмин С.В.

*Аспирант юридического факультета
Казанский государственный университет,
Россия*

Определение понятия “вооруженный конфликт немеждународного характера” включает в себя ряд актуальных вопросов, связанных с дефиницией типа ситуаций, охватывающих данное понятие; обозначения круга лиц, защищаемых нормами права в данных конфликтах; определение той границы, за которой немеждународный вооруженный конфликт становится международным; выделение норм права, регулирующих поведение воюющих сторон в таких конфликтах. Сложность ответов на поставленные вопросы проистекает из того принципа Устава ООН, согласно которому Организация Объединенных Наций “не вмешивается в дела, по существу представляющие внутреннюю компетенцию государства”

⁵¹ Hoffman M. Op.cit. P.203.

(п.7 ст.2). В связи с этим весьма актуальным представляется исследование самого понятия “немеждународный вооруженный конфликт”.

Формирование норм и принципов международного гуманитарного права исторически происходило по пути юридического закрепления взаимоотношений между “Высокими Договаривающимися Сторонами” – “субъектами международного права” в классическом понимании этого термина. Применение международно-правовых норм в период вооруженных конфликтов немеждународного характера стало реальностью лишь с середины XX века, с момента принятия Женевских конвенций 1949 г. Однако необходимо отметить вклад выдающегося юриста-международника Федор Федоровича Мартенса в дело развития права войны. Так называемая “оговорка Мартенса”, суть которой в том, чтобы ограничить произвол военачальников в отношении гражданских лиц в тех случаях, которые еще не вполне определены нормами права, явилась предпосылкой к возникновению целой системы права применяемого в случае немеждународных вооруженных конфликтов.

Выделим группу международно-правовых актов, которые непосредственно относятся к предмету нашего исследования. Это четыре Женевских конвенции от 12 августа 1949 г. (общая статья III), Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. (статья 19), Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 г. (Протокол II), Протокол II к Конвенции 1980 г. (с поправками и дополнениями, внесенными в 1996 г.).

В настоящее время понятие “немеждународный вооруженный конфликт”, а также критерии, характеризующие его, закреплены в Дополнительном Протоколе II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Согласно ст. I этого Протокола, под немеждународным вооруженным конфликтом понимаются все не подпадающие под действие ст. I Дополнительного протокола I вооруженные конфликты, происходящие на территории какого-либо государства, “между его вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью его территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять положения Протокола II”.

Согласно нормам современного международного права, ни одно государство не должно ни прямо, ни косвенно вмешиваться по какой бы то ни было причине во внутренний вооруженный конфликт, происходящий на территории какого-либо государства. В Дополнительном протоколе II п.2 ст.3 эта норма четко сформулирована. Она гласит: “Ничто в настоящем Протоколе не должно

истолковываться как оправдание прямого или косвенного вмешательства по какой бы то ни было причине в вооруженный конфликт или во внутренние или внешние дела Высокой Договаривающейся Стороны, на территории которой происходит этот вооруженный конфликт". Хотя, в косовском конфликте (1999-2001 гг.), вспыхнувшем на территории Югославии инструмент международно-правового регулирования "обнажил" свои недостатки. Стало очевидным столкновение двух взаимоисключающих норм международного права: принцип самоопределения народов и наций – с одной стороны, принцип нерушимости границ и целостности территории – с другой. И с какой позиции рассматривать вмешательство международного сообщества во внутренние дела государства, противоречащее принятым в Дополнительном протоколе II к Женевским конвенциям 1949 г. нормам, остается еще весьма актуальным вопросом и в настоящее время.

События связанные с распадом Югославии поставили мировое сообщество перед непростой дилеммой. Кого поддерживать в этом конфликте: национальные республики и автономные края, являющиеся неотъемлемой частью суверенного государства или федеральный центр, стоявший на позициях сохранения его целостности? В обеих из перечисленных ситуаций вооруженное противостояние было неизбежным, но представляет особый интерес вопрос о квалификации самого конфликта с позиции международного права и используемых в данном случае норм и принципов международного гуманитарного права (МГП), их приоритетное применение. Так как прецедентов этому существует немного, возникает определенная сложность отделения тенденций к сепаратизму от права нации на самоопределение. Необходимо также учитывать, что Дополнительный протокол II не применяется "к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами". Следовательно, действия федеральных властей с позиции силы до начала *организованного* вооруженного противостояния со стороны национальных республик и автономных краев можно считать легитимными, а подавление отдельных очагов вооруженного противостояния даже необходимым, с позиции сохранения целостности государства. Таким образом, в подобных ситуациях (СФРЮ, Чечня и т.д.) возникает существенная трудность в классификации вооруженной борьбы как конфликта немеждународного характера, а не внутренних беспорядков, регулированием которых занимается, прежде всего, национальное законодательство.

Одним из наиболее существенных вопросов, возникающих при толковании текста ст. 3 Женевских конвенций, является вопрос о влиянии вмешательства третьей стороны на юридическую природу

внутреннего вооруженного конфликта. Исторический опыт свидетельствует, что иностранное вооруженное вмешательство часто является фактом, провоцирующим конфликт. На практике представляет особый интерес переход вооруженного конфликта немеждународного характера в международный вооруженный конфликт, когда имеет место вмешательство одного или нескольких иностранных государств или международной организации. Хотя данный вопрос не был предметом кодификации в международном праве, определенный ответ можно дать исходя из существующей практики, норм права, резолюций, доктрин. Прежде всего, необходимо установить сам факт вмешательства третьей стороны, который, согласно резолюции ООН № 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г., представляет акт государства, группы государств или международной организации. Если третья сторона напрямую оказывает военное содействие – направляет войска для действий в интересах одной из сторон (правительственные или антиправительственные войска), то конфликтное отношение между стороной, вмешивающейся в конфликт и стороной, против которой направлено вмешательство, без всякого сомнения, носит международный характер. Однако, остается открытым вопрос об определении финансовой, экономической помощи, предоставлением третьей стороной военных советников, технических экспертов, подготовка солдат противоборствующих сторон на территории иностранных государств как вмешательство во внутренние дела государства. Как рассматривать действия третьего государства, оказывающего помощь такого рода? Э. Давид по этому поводу отмечает, что “...было бы чрезмерным считать, при нынешнем состоянии международной практики, что *невооруженное вмешательство* в немеждународный вооруженный конфликт интернационализирует последний, даже если подобное решение было бы предпочтительней, так как в юридическом плане оно способно обеспечить более эффективную защиту жертв конфликта”. Отсюда можно сделать вывод, что только прямое применение вооруженной силы одного государства против другого может быть квалифицировано как международный вооруженный конфликт и повлечь за собой применение всего права войны.

Достаточно сложным представляется также вопрос о применении норм права вооруженных конфликтов к военным действиям, происходящим внутри государства за отделение части его территории ввиду отсутствия его кодификации. На современном этапе развития МГП следует проводить различие между сепаратистским движением и национально-освободительной войной, так как в последней противоборствующими сторонами являются колониальное, расистское или иностранное правительство – с одной стороны, и народ – с другой. Причем, в данном случае, право на самоопределение было признано ООН и закреплено в ее Уставе, а

также в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. В войне за отделение противостоят правительство какого-либо государства и часть его населения, которое желает от него отделиться, но право на подобное отделение, признанное со стороны Организации Объединенных Наций, не имеет. Тем не менее, конфликт подобного рода может перерасти из внутреннего в международный с применением всей совокупности права, если отделение произошло *de facto*. Если фактического отделения не произошло, то противоборствующие стороны должны использовать нормы права, применяемые в период вооруженных конфликтов немеждународного характера, если отсутствует иностранное вмешательство как со стороны третьего государства или группы государств, так и со стороны международной организации.

Согласно ст. 3 всех четырех Женевских конвенций 1949 г., «каждая из находящихся в конфликте сторон» будет обязана применять как минимум предусмотренные в этой статье положения. Но совершенно очевидно, что во внутреннем вооруженном конфликте лишь одна из сторон, а именно официальное правительство, является участником Женевских конвенций. Другая или другие стороны, ведущие вооруженную борьбу с правительством, такими участниками не являются. И, тем не менее, ст. 3 Женевских конвенций, совместно с резолюцией ООН № 2444 от 19 декабря 1968 г. обязывают все участвующие в конфликте стороны применять нормы этих Конвенций. В самом деле, если во внутреннем вооруженном конфликте противоборствующая правительству сторона претендует на признание того, что именно она представляет интересы народа, если в ходе борьбы она сумела установить свою власть на определенной территории страны и осуществляет ее в отношении определенной части населения, ничто не может помешать ей официально присоединиться к международным гуманитарным конвенциям или заявить о своей готовности придерживаться их требований.

Нормы, закрепленные в Дополнительном протоколе II 1977 г., развивая и дополняя всю совокупность права вооруженных конфликтов, тем не менее, не всегда эффективны. Поэтому было бы логичным поставить перед мировым сообществом вопрос о более тщательном контроле за их соблюдением. Практика последних лет наглядно подтверждает это. В вооруженном конфликте в Чечне 1996-2001 гг. не раз подтверждались опасения, что на её территории процветает работорговля, к мирному населению, поддерживающему федеральную власть, применялись коллективные наказания, осуществлялись акты насилия и надругательства над человеческим достоинством. Взятие заложников и террористические акты стали частью обыденной жизни гражданского населения. В случае Югославского конфликта нельзя не упомянуть о бомбардировках НАТО,

которые носили явно неизбирательный характер, результатом которых стала “гуманитарная катастрофа”, принесшая многочисленные страдания югославскому народу. Призывы международных и многих региональных организаций (ООН, ОБСЕ, ЕС и т.д.) к противоборствующим сторонам руководствоваться принципами и нормами международного права в большинстве случаев просто игнорировались, не оставляя надежды на быстрое урегулирование кризисных ситуаций. Таким образом, в настоящее время необходимо уделять особое внимание проблемам эффективности применения права вооруженных конфликтов, разработке новых форм и методов контроля за исполнением в период вооруженного конфликта международно-признанных принципов и норм гуманитарного права.

Несмотря на прогрессивность Дополнительного протокола II, как “первого реально существующего юридического документа, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера”, остается много нерешенных вопросов. Отчасти это связано с тем, что Протокол II был принят в сокращенном наполовину виде из-за возникших между участниками Дипломатической конференции 1977 г. противоречий. Например, исключение из текста документа термина “стороны, участвующие в конфликте” с целью избежать признания повстанческой стороны, затрудняет квалификацию и регулирование немеждународных вооруженных конфликтов. Только с осознанием всеми государствами необходимости в совместном решении стоящих перед человечеством проблем (вооруженная борьба как одна из них) станет возможным построение общества на принципах добра, справедливости и гуманизма.

Таким образом, на современном этапе развития государства и общества немеждународные вооруженные конфликты занимают особое место в международных отношениях. Высокая интенсивность и широкое распространение внутрисостоятельных конфликтов нередко ставят под угрозу региональную и международную безопасность. Несмотря на принимаемые усилия, мировое сообщество пока не смогло выработать адекватную стратегию противостояния локально-региональным угрозам стабильности международного мира, вопреки нарабатанному в этой области правовому материалу. Эффективность международного регулирования внутренних конфликтов на протяжении 90-х годов оказалась весьма ограниченной, что ставит перед международным сообществом ряд проблем. Главная из них – проблема поиска адекватного ответа на тот вызов, который представляет собой основной тип современного вооруженного конфликта – вооруженный конфликт немеждународного характера. Несомненно, ключевую роль в поиске и отработке наиболее эффективной модели урегулирования внутренних конфликтов должны сыграть региональные и международные организации, и, прежде всего, ООН, ОБСЕ, МККК.